

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ
2886
ИЗД. Д. П. ПЕРЦЕНА

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ІЮНЬ, 1901.

Проп. 50

НАЧАЛО ЗАВОЕВАНІЯ КОКАНДА.

(Къ 25-лѣтію присоединенія Ферганской области).

ВЪ ЭТОМЪ ГОДУ 19-го февраля исполнилось 25 лѣтъ со времени присоединенія къ владѣніямъ Россіи такъ называемой Ферганской области, бывшаго Кокандскаго ханства. Въ статьяхъ, появившихся по этому поводу, сообщались весьма интересныя подробности этого завоеванія и приводились обстоятельныя описанія подвиговъ тѣхъ лицъ, которые содѣйствовали этому завоеванію: покойныхъ генераловъ К. П. фонъ-Кауфмана, М. Д. Скобелева, Г. А. Колпаковского, А. К. Абрамова и В. Н. Троцкого, а равно и находящагося въ живыхъ генерала А. Н. Куропаткина. Къ сожалѣнію, однако, въ этихъ статьяхъ даже не было и упомянуто имя перваго русскаго военачальника, положившаго основаніе, или, вѣрнѣе, начало завоеванію Коканда, — бывшаго оренбургскаго генералъ-губернатора, графа Василія Алексѣевича Перовскаго, предпринявшаго по повелѣнію императора Николая Павловича свой первый походъ въ глубь Кокандскихъ степей, разбившаго кокандцевъ на-голову и взявшаго самую сильную ихъ крѣпость Акъ-Мечеть, переименованную впослѣдствіи по высочайшему повелѣнію въ «Фортъ Перовскій». Тогда же, послѣ этого блистательнаго похода, рѣка Сыръ-Дарья была присоединена къ нашимъ владѣніямъ «на значительномъ ея протяженіи». Въ настоящее время мы считаемъ вполне умѣстнымъ вспомнить объ этомъ, повидимому, забытомъ подвигѣ графа Перовскаго, пользуясь для этого главнымъ образомъ чрезвычайно интересными свѣдѣніями, заключающимися въ

его письмахъ за время кокандскаго похода къ московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову ¹⁾.

Но прежде всего слѣдуетъ ознакомиться хотя вкратцѣ съ тѣми отношеніями, которыя существовали въ это время въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ—между нами и кокандцами, а равно и съ боевыми силами обѣихъ сторонъ, находящимися въ степи.

Такъ какъ послѣ нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Хивой, состоявшихся въ 1842 году ²⁾, хивинцы хотя и прекратили сами временно нападенія на наши торговые караваны и на кочующихъ въ нашихъ степяхъ киргизовъ, но ни для кого не было тайной, что они подушали на эти непріязненные намъ дѣйствія сосѣднихъ—съ ними и нами—кокандцевъ, которые подъ защитою нѣсколькихъ своихъ укрѣпленій, а главное, подъ прикрытіемъ сильной крѣпости Акъ-Мечеть, и производили открытыя нападенія на киргизовъ, брали съ нихъ дань, грабили ихъ и даже, порою, убивали. Такъ, напримѣръ, въ 1850 году, кокандцы отняли у подвластныхъ намъ киргизовъ около 20-ти тысячъ головъ скота, а въ слѣдующемъ, 1851 году, свыше 75-ти тысячъ головъ. Разоренные такимъ образомъ киргизы обратились съ мольбою о помощи въ Оренбургъ,—и генераль-губернаторъ Перовскій, снесясь съ Петербургомъ, рѣшилъ наказать хищниковъ.

Вначалѣ, посланный въ 1852 году отрядъ русскихъ войскъ, состоявшій изъ 500 казаковъ, подъ начальствомъ полковника Бларамберга, хотя и очистилъ правый берегъ Сыръ-Дарьи отъ небольшихъ кокандскихъ укрѣпленій, взявъ ихъ и разрушивъ до основанія, но не былъ въ силахъ взять главную непріятельскую крѣпость Акъ-Мечеть, сильно укрѣпленную, и вынужденъ былъ вернуться въ Оренбургъ ни съ чѣмъ. Тогда, въ слѣдующемъ 1853 году, генераль Перовскій съ разрѣшенія императора Николая Павловича сформировалъ болѣе сильный отрядъ, состоявшій изъ 2-хъ тысячъ пѣхоты, 4-хъ тысячъ конницы, при 9-ти орудіяхъ, и, принявъ надъ нимъ главное начальство, выступилъ въ степь. Вотъ

¹⁾ Здѣсь будетъ очень кстати исправить одну изъ многихъ неточностей, допущенныхъ г. Юдинымъ въ его статьяхъ «Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1896 года. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «За покореніе кокандцевъ и взятіе Акъ-Мечети онъ (Перовскій) въ числѣ прочихъ награжденныхъ 27-го декабря 1853 года былъ возведенъ въ графское достоинство» («Русск. Старина», июнь, стр. 543). Это положительно невѣрно: графство генераль-адъютанту В. А. Перовскому пожаловано было почти два года спустя уже новымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ при рескриптѣ отъ 17-го апрѣля 1855 года, о чемъ Перовскій и объявилъ по отдѣльному оренбургскому корпусу особымъ приказомъ отъ 24-го апрѣля того же года за № 95. И. З.

²⁾ См. мою статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ ноябрьской книжкѣ 1894 года—«Первое посольство въ Хиву, въ 1842 году». И. З.

письмо генераль-адъютанта Перовскаго къ Булгакову, относящееся къ этому времени ¹⁾.

«30-го мая 1853 года.

«Пишу вамъ, дорогой другъ, при 42° R жары на солнцѣ, почти на самомъ томъ мѣстѣ, откуда писалъ вамъ тринадцать лѣтъ назадъ, при 33° мороза ¹⁾. Немногіе люди имѣютъ въ своей жизни случай пройти чрезъ этотъ двойной опытъ, который вдвойнѣ любопытенъ по своему физическому и нравственному вліянію на человѣка...

«Не знаю, какъ вы представляете себѣ Киргизскую степь? Вы, быть можетъ, думаете, что мы идемъ по мягкому газону, между двухъ прозрачныхъ рѣкъ, услаждающихъ насъ своимъ тихимъ журчаніемъ?.. Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго: зелень является въ видѣ рѣдкаго исключенія, а ручей или проточная вода не существуютъ совсѣмъ въ это время года; что было рѣкой мѣсяцъ тому назадъ, то обратилось въ маленькія лужи, лягушечьи дыры, окаймленные камышомъ и дикой мятой; вода въ нихъ соленая или горькая; весьма рѣдко—сладкая и, во всякомъ случаѣ, непріятно теплая. На протяженіи сотенъ верстъ ничего не видно, кромѣ песку, глины и солончаковъ, поразительно напоминающихъ снѣгъ. Вотъ какой непримечательный пейзажъ у меня передъ глазами!..

«Мы проходимъ ежедневно отъ 50 до 60 верстъ. Мое крошечное войско опередило меня на нѣсколько дней, но черезъ недѣлю я догону его. Со времени выступленія изъ Оренбурга (640 верстъ) я ни разу не останавливался для дневки; мнѣ сопутствуетъ сотня казаковъ съ однимъ орудіемъ, въ видѣ моей охраны. У меня нѣтъ ни одного больного, и я не потерялъ еще ни одной лошади; во всемъ отрядѣ есть только десятокъ слабыхъ. Короче—все идетъ наилучшимъ образомъ даже и для моего здоровья, и я начинаю вѣрить въ возможность свидѣться съ вами, что при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга казалось мнѣ невѣроятнымъ. Для исполненія нашей задачи необходимо, чтобы въ людяхъ, кромѣ физической, была еще и внутренняя сила,—и этой силой обладаетъ русскій солдатъ. Во время моего зимняго похода въ этомъ краѣ, когда намъ пришлось столько перестрадать, солдаты, а въ особенности уральскіе казаки, пѣли день и ночь, какъ будто и не подозревали, что ртуть въ термометрѣ замерзаетъ. Это пѣніе можно объяснить, какъ желаніе согрѣться, такъ какъ всякое движеніе, даже пѣніе со стороны, немножко согрѣваетъ. И теперь вотъ они поютъ—съ восхода и до

¹⁾ Въ подлинникѣ, какъ это письмо, такъ и послѣдующія, писаны по-французски; здѣсь они печатаются въ переводѣ. Послѣ смерти А. Я. Булгакова, письма эти были возвращены родственникамъ графа Перовскаго. И. З.

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ письма Перовскій вспоминаетъ свой неудачный походъ въ Хиву, въ зиму 1839—1840 годовъ. И. З.

заката солнца, и если тогда пѣніе могло согрѣвать, то теперь, вѣроятно, оно освѣжаетъ.

«До свиданья, дорогой другъ!

«Вашъ В. Перовскій».

Въ «Русской Старинѣ» (1896 г.) объ этой экспедиціи въ Кокандъ говорится слѣдующее: «Войска выступили съ линіи въ маѣ мѣсяцѣ, двумя колоннами: первая подъ командой наказнаго атамана оренбургскаго войска, генералъ-майора Падурова, вторая подъ начальствомъ подполковника Іоннея. Перовскій выѣхалъ изъ Оренбурга нѣсколькими днями позднѣе, въ сопровожденіи конвоя изъ полусотни уральскихъ казаковъ и свиты, состоящей изъ 18-ти офицеровъ и чиновниковъ, въ числѣ коихъ находились: В. В. Григорьевъ, предсѣдатель оренбургской пограничной комиссіи, и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, извѣстные своими учеными трудами по исторіи и оріентологіи Туркестана и Киргизской степи, а на Сыръ-Дарьѣ къ нимъ присоединился только что прибывшій къ отряду изъ Петербурга генералъ-майоръ Хрулевъ.

«Слѣдуя отъ Оренбурга по рѣкѣ Илеку, отряды дошли до укрѣпленія Карабутака (428 верстъ) въ 10 дней, до укрѣпленія Уральскаго (187 верстъ отъ послѣдняго) въ 4 дня и отсюда до Раима (315 верстъ), чрезъ знаменитые пески Кара-Кумы, въ 8 дней, — и уже 6-го іюня были на берегахъ Аральскаго моря, близъ устьевъ Сыръ-Дарьи»...

Здѣсь отряды остановились на отдыхъ, и къ этому времени относится письмо Перовскаго, помѣченное имъ 25-го іюня того же 1853 года, слѣдующаго содержанія:

«25-го іюня 1853 года.

...«Вода хороша, травы довольно — и мы празднуемъ 25-е іюня (рожденіе императора Николая). Всѣхъ этихъ причинъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы дать отдыхъ людямъ и животнымъ. Итакъ, сегодня перерывъ — нѣтъ похода!

«Пользуюсь этимъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ, милый другъ. Нынче утромъ мы молились за здоровье государя, и могу васъ увѣрить, что нашъ молебенъ, отслуженный въ степи, въ присутствіи небольшой кучки людей передъ крестомъ, который впервые является въ этомъ краѣ, былъ зрѣлищемъ гораздо болѣе трогательнымъ, чѣмъ парадный выходъ въ петергофской церкви по этому же случаю. Молебенъ служили въ 9 часовъ утра, и термометръ Реомюра показывалъ 38° тепла. Въ 1839 году, 6-го декабря (день тезоименитства государя), я молился въ этой самой степи при 32° мороза... Не знаю, можно ли сказать, que les extrêmes se touchent?

«У насъ уже было 49° на солнцѣ и 30° при лунѣ... Тѣни во-кругъ ни малѣйшей; я бы купилъ ее на вѣсь золота. Всего труд-

нѣе переносить миллионы различныхъ комаровъ и слѣпней. Однако, во всемъ отрядѣ только пять больныхъ, а лошади всѣ цѣлы, что весьма хорошо, когда подумаешь, что трава достается имъ не всякій день, а овесъ рѣдко.

«Сырѣ-Дарья—великолѣпная рѣка, глубиной отъ 3-хъ до 6-ти сажень, а ширина почти вездѣ доходитъ до 250-ти сажень. Эта громадная масса воды протекаетъ съ незапамятныхъ временъ безъ всякой пользы и даже не дѣлаетъ плодородными берега, лишенные всякой растительности. Оазисы съ травой встрѣчаются въ разстояніи 20 и 30 верстъ одинъ отъ другого и занимаютъ весьма ограниченное пространство, такъ что лѣтомъ невозможно было бы пройти эту степь съ отрядомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ мой.

«Теперь мнѣ остается только дней семь довольно труднаго перехода до кокандской крѣпости Акъ-Мечеть — окончательной цѣли моего похода, и я, сдѣлавъ теперь въ общемъ болѣе 1.200 верстъ, нахожусь все въ томъ же невѣдѣніи насчетъ того, что меня ожидаетъ, какъ и при отбѣздѣ моемъ изъ Оренбурга... Всего больше боимся, чтобы непріятель не улизнулъ, вмѣсто того, чтобы итти намъ на встрѣчу. Послѣ всѣхъ перенесенныхъ и еще переносимыхъ нами трудностей и невзгодъ это было бы, правду сказать, жестоко, а какъ подумаешь, что на возвратномъ пути надобно будетъ сдѣлать тѣ же 1.500 верстъ, но уже съ усталыми лошадьми, съ худшими пастбищами и подъ лучами еще болѣе палящаго солнца, то, признаюсь, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ... И приходится на умъ, что мнѣ собственно, *pour ma personne*, не стоитъ труда возвращаться, и можно бы остаться и здѣсь, подъ какимъ нибудь курганчикомъ...

«В. Перовскій».

Для отряда нашихъ войскъ представлялось дѣломъ очень нетруднымъ захватить отъ кокандцевъ небольшія и недостаточно сильно укрѣпленныя ихъ крѣпости Чимъ, Кошъ и Кумышъ-Курганъ, расположенныя по берегу Сырѣ-Дарьи, такъ какъ всѣ эти крѣпости, разоренныя и разрушенныя за годъ передъ тѣмъ нашимъ отрядомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Бларамберга, еще не успѣли вполне отстроиться и не были поэтому защищаемы кокандцами: тамъ находились лишь маленькіе отряды непріятеля чело- вѣкъ по 50-ти, въ видѣ наблюдательныхъ постовъ, которые при появленіи русскихъ солдатъ тотчасъ же уходили изъ укрѣпленій—подъ защиту главной крѣпости Акъ-Мечети. Близъ нея и произошла задержка... Въ ней и вокругъ нея было расположено двадцать тысячъ кокандскихъ войскъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ Мухамедъ-Кула, отправленныхъ изъ Коканда при нѣсколькихъ пушкахъ очень стариннаго образца, мало принесшихъ пользы во время сраженія, результатомъ коего было разбитіе кокандскихъ

войскъ на-голову и ихъ поспѣшное и постыдное бѣгство отъ крѣпости въ глубь стѣнъ. При этомъ, потери нашего отряда, какъ увидимъ ниже изъ письма Перовскаго, были самыя незначительныя, что объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ у кокандцевъ огнестрѣльнаго оружія: ихъ конница имѣла луки и стрѣлы, а имѣвшіяся у нихъ три чугунныхъ пушки и фитильныя ружья не причинили намъ никакого вреда.

Но разбитіемъ на-голову кокандскихъ войскъ дѣло было еще далеко не кончено: въ крѣпости засѣло, по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ 300 человекъ самыхъ отчаянныхъ удалцовъ, «батырей», рѣшившихся защищать ее до послѣдней крайности и не сдаваться въ плѣнъ. Вотъ что писалъ Перовскій изъ-подъ стѣнъ этой крѣпости къ тому же Булгакову, отъ 16-го іюля:

«16-го іюля 1853 года.

...«Мы стоимъ подъ Акъ-Мечетью и не можемъ заставить сдаться триста человекъ, рѣшившихся защищаться до послѣдней крайности и засѣвшихъ въ крѣпости, стѣны которой имѣютъ пять саженъ толщины и столько же высоты, не говоря уже о глубокомъ рвѣ. Намъ, поэтому, пришлось приступить къ землянымъ работамъ (чтобы не терять людей при штурмѣ). Вотъ уже недѣля, какъ я роюсь въ землѣ, подвигаясь черепашинымъ шагомъ, но довольно успѣшно. До сихъ поръ я потерялъ только четырехъ человекъ и нѣсколько раненыхъ.

«Взятіе Акъ-Мечети не составитъ, можетъ быть, блестящаго дѣла, но мнѣ жизнь солдата дороже всякой награды и журнальной статьи съ напыщеннымъ бюллетенемъ. Экспедиція моя — секретная, но кокандцы все-таки узнаютъ, что они разбиты, и что крѣпость ихъ взята. А мнѣ ничего болѣе и не нужно.

«Вашъ В. Перовскій».

Такъ какъ осадной артиллеріи при отрядѣ не было, и невозможно было, слѣдовательно, пробить брешь въ крѣпостной стѣнѣ пяти-саженной толщины, то и пришлось, поневолѣ, вести тѣ «земляныя работы», о которыхъ говоритъ въ своемъ письмѣ Перовскій, то-есть, онъ употребилъ при взятіи Акъ-Мечети тотъ же приѣмъ, который повторилъ, 28 лѣтъ спустя, покойный генералъ Скобелевъ, при взятіи, въ январѣ 1881 года, столь же сильной туркменской крѣпости Геокъ-Тепе.

Но вотъ на разсвѣтѣ 28-го іюля подкопъ былъ готовъ, мина заложена и взорвана... А черезъ два часа была взята и самая крѣпость. Вотъ коротенькое письмо Перовскаго къ Булгакову о взятіи этой крѣпости, очень характерное, во-первыхъ, потому, что, какъ оказывается, надо было держать «въ секретѣ» эту побѣду:

Napoleon

наша дипломатія, руководимая нѣмецкимъ графомъ Нессельроде, все еще продолжала распаркиваться въ это время «передъ Европой», изъ опасенія ея вмѣшательства въ начавшуюся въ то время турецкую войну, каковое вмѣшательство все-таки, какъ извѣстно, состоялось, несмотря на это малодушное и робкое угодничество. Во-вторыхъ, это письмо Перовскаго интересно еще и потому, что, какъ оказалось, пришлось уничтожить, по взятіи крѣпости, не 300, какъ предполагали, а «много болѣе трехсотъ непріятелей»... Приводимъ письмо Перовскаго, написанное уже изъ Акъ-Мечети.

«Крѣпость Акъ-Мечеть, взятая штурмомъ 28-го іюля
1853 г., въ семь часовъ утра.

...«Не знаю, до какой степени можно сохранить въ тайнѣ осаду и взятіе крѣпости, но такъ какъ это событіе — результатъ моей экспедиціи, которая была секретна, то считаю за лучшее воздержаться отъ сообщенія всякихъ подробностей на этотъ счетъ... Скажу вамъ только, что послѣ взрыва одной части стѣны наши солдаты и казаки усиленно атаковали брешь, но здѣсь встрѣтили упорную и отчаянную защиту со стороны гарнизона, который ни за что не хотѣлъ сдаваться и упорствовалъ даже послѣ того, какъ мы вошли въ крѣпость... Наши штыки и сабли уничтожили много болѣе трехсотъ непріятелей... Короче, это было блестящее военное дѣло, и жаль—да и бесполезно—было бы о немъ умалчивать.

«Если мой адъютантъ Ефремовъ, посланный съ этою вѣстью въ Петербургъ, успѣетъ увидѣть васъ въ Москвѣ до отъѣзда своего по желѣзной дорогѣ, то передастъ вамъ подробности, которыя я не могу сообщить вамъ еще и вслѣдствіе своей чрезмѣрной усталости.

«В. Перовскій».

Такимъ образомъ, была сломлена гордыня кокандцевъ, и войска нашихъ восточныхъ сосѣдей въ Азіи впервые были разбиты русскими, если не считать побѣды нашихъ войскъ, одержанной надъ хивинцами, въ 1717 году, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго, побѣды, окончившейся, какъ извѣстно, совершеннымъ избіеніемъ нашего отряда вслѣдствіе излишней довѣрчивости Бековича и вѣроломства со стороны хивинцевъ.

Результатомъ побѣды Перовскаго надъ кокандцами явилось, какъ мы упоминали выше, присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ рѣки Сыръ-Дарья, а, главное, угодливость и смиреніе—хотя и на время—со стороны главнаго нашего врага на восточной окраинѣ, хивинскаго хана, за подстрекательства котораго кокандцамъ пришлось такъ дорого расплачиваться...

Затѣмъ, не менѣе серіознымъ послѣдствіемъ разбитія кокандскихъ полчищъ и взятія Акъ-Мечети явилось возведеніе въ степи и по берегу Сыръ-Дарьи нѣсколькихъ новыхъ фортовъ (укрѣпленій), съ цѣлью парализовать на будущее время разбойничьи на-

паденія кокандцевъ и хивинцевъ какъ на русскихъ людей—купцовъ и рыбопромышленниковъ, — такъ и на подвластныхъ намъ киргизовъ.

Награды тоже не заставили себя долго ждать. Вотъ «приказъ по отдѣльному оренбургскому корпусу», отданный Перовскимъ въ Оренбургъ, 12-го сентября 1853 года, за № 190:

«По всеподданнѣйшему моему донесенію государю императору о покореніи кокандской крѣпости Акъ-Мечети, о мужествѣ и объ отличной храбрости, оказанныхъ войсками отряда, дѣйствовавшего при осадѣ и штурмѣ этой крѣпости, я удостоился стація получить слѣдующій рескриптъ:

«Василій Алексѣевичъ. Получивъ донесеніе ваше о покореніи крѣпости Акъ-Мечети, я поспѣшаю выразить вамъ душевную мою признательность за блистательный этотъ подвигъ, покрывшій новою славою русское оружіе. Онъ вполне увѣнчалъ всѣ распоряженія ваши, отъ коихъ я не могъ не ожидать успѣха, зная примѣрное ваше рвеніе и военную вашу опытность; но вы не ограничились общимъ направленіемъ дѣйствій. Вы пренебрегли трудность предстоявшаго при слѣдованіи къ Акъ-Мечети похода; не щадя слабаго вашего здоровья, приняли лично начальство надъ отрядомъ, для взятія этой крѣпости назначеннымъ, и не переставали раздѣлять съ нимъ всѣ лишенія и опасности. Столь похвальное самоотверженіе служить мнѣ новымъ доказательствомъ вашей ко мнѣ привязанности, которую я оцѣняю въ полной мѣрѣ. Повторяю вамъ сердечную мою благодарность и, желая увѣковѣчить память вашего подвига, повелѣваю: чтобы крѣпость Акъ-Мечеть именовалась отнынѣ фортомъ Перовскимъ.

«Вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ объявить всѣмъ чинамъ храбрыхъ войскъ, находившимся подъ вашимъ предводительствомъ, особенное мое благоволеніе за твердость ихъ, соревнованіе другъ предъ другомъ и отличное ихъ мужество въ бою.

«Пребываю вамъ навсегда благосклонный».

«На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

«Николай».

Петергофъ.

26-го августа 1853 года.

«Въ то же время, увѣдомилъ меня г. военный министръ, что его императорское величество, во вниманіе къ лишеніямъ и трудамъ, преодоленнымъ войсками экспедиціоннаго отряда, и къ мужеству ихъ, повелѣтъ соизволить: 1) разрѣшить меня войти съ представленіемъ о чинахъ, заслужившихъ право на всемилостивѣйшее вниманіе, 2) въ награду нижнимъ чинамъ, болѣе отличившимся, раздать 25 знаковъ отличія военного ордена, въ дополненіе къ 25-ти таковымъ же прежде розданнымъ, и, кромѣ того, 12-ть такихъ же

знаковъ, установленныхъ для чиновъ мусульманскаго исповѣданія, и 3) всѣмъ чинамъ отряда выдать не въ зачетъ годовое жалованье, по окладу, каждымъ изъ нихъ получаемому.

«Объявляя симъ высочайшую волю, выраженную во всемилостивѣйшемъ ко мнѣ рескриптѣ, считаю при томъ долгомъ благодарить участвовавшихъ въ экспедиціи и отъ своего имени: мужеству ихъ и честной службѣ обязанъ я величайшимъ утѣшеніемъ въ жизни—достойно исполнить священную волю государя императора, порадовать тѣмъ отеческое его сердце и видѣть вмѣстѣ съ сотрудниками моими столь многомилостивое къ намъ изъясненіе монаршаго его благоволенія.

«Пріемля съ благоговѣніемъ великія милости, излитыя на насъ щедрою рукою царя, потщимся и впредь всѣ силы тѣла и духа нашего полагать на службу государю и отечеству.

«Генераль-адъютантъ Перовскій».

В. А. Перовскій не замедлилъ, конечно, «войти съ представленіемъ о чинахъ, заслужившихъ право на всемилостивѣйшее вниманіе», и императоръ Николай утвердилъ его представленіе: во-первыхъ, всѣмъ участникамъ кокандскаго похода было выдано, не въ зачетъ, годовое жалованье; затѣмъ, щедрою рукою были пожалованы ордена и золотое оружіе (36-ти лицамъ), чины (67-ми лицамъ) и денежные награды—14-ти офицерамъ и чиновникамъ. Солдатскіе георгіевскіе кресты получили: 50 нижнихъ чиновъ изъ христіанъ и 12 магометанъ.

Между прочими нижними чинами, удостоившимися быть произведенными въ офицеры, получилъ чинъ прапорщика унтеръ-офицеръ Алексѣй Плещеевъ, извѣстный впослѣдствіи поэтъ-гуманистъ. Какъ извѣстно, покойный А. Н. Плещеевъ былъ въ 1848 году, по дѣлу Петрашевскаго, разжалованъ и посланъ затѣмъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные баталіоны. При штурмѣ Акъ-Мечети онъ состоялъ въ 4-мъ баталіонѣ. Произведенный въ прапорщики «за отличіе», онъ былъ въ то же время переведенъ по ходатайству Перовскаго въ 3-й Оренбургскій линейный баталіонъ, который квартировалъ постоянно въ самомъ Оренбургѣ, и такимъ образомъ получилъ не только чинъ, но и возможность жить не «на линіи», то-есть въ степи, а въ губернскомъ городѣ, гдѣ въ то время, вблизи Перовскаго (окончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ и бывшаго однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи), въ качествѣ чиновника особыхъ порученій состоялъ, на-примѣръ, извѣстный писатель В. И. Даль, и при немъ же были географъ и путешественникъ Н. В. Ханыковъ, энтомологъ Эверсманъ и другіе, между коими было очень много интеллигентныхъ, образованныхъ лицъ и, наоборотъ, очень мало карьеристовъ, не имѣвшихъ при Перовскомъ ни хода, ни успѣха.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

4 марта 1901 года.